

АНАТОЛИЙ КОЗЛОВ

Писатель, член Союза писателей России

Родился в 1964 году в Омске. В 1991 году окончил Ленинградский инженерно-экономический институт им. П. Тольятти. В 1996 году опубликовал притчуповесть «Эдем». Почти одновременно была написана и пьеса «Кукла наследника Тутти», получившая премию «Арт-тенета 97» в жанре политического памфлета. В 2004 году выпустил авторский сборник рассказов и стихов «Странные люди». Удостоен премии семинара молодых писателей Северо-Запада (2005). Автор монографии «Десять веков русской литературы», множества рассказов, один из которых — «Злой коттедж» — отмечен премией «Золотое перо Руси» (2008). Повесть «Имеет значение» отмечена дипломом конкурса «Добрая лира» (2008). Живёт в Санкт-Петербурге.

ЖИВЫЕ

Андрей, в отличие от некоторых, мужик справный. Пьяный на работу не ходит и работает когда положено. Деньги не пропивает, хотя других занятий, кроме пьянки, в деревне нет. Раньше вставали в пять, ложились как стемнеет. Кроме колхозной, своей работы по дому было вдосталь: скотина у каждого, огород. Потом жизнь круто изменилась. Колхоз сам собой умирал, а в округе стали лес валить. Вот все мужики на лесоповал и подались. В забайкальской тайге деревьев много, на их век хватит. Тот, кто никогда не видел, пусть зажмурится, вспотеет от напряжения, а всё равно не представит себе, что такое тайга сибирская. Заработок постоянный — на еду хватало и в магазине всё, что для жизни надо. Иной раз на вертолётё и французский коньячок доставляли, а однажды на страстные просьбы работяг прислать пивка привезли «Гиннес» в алюминиевых банках. Напиток мужичкам полюбился. Отдавал он хмелем и дрожжами и очень напоминал привычную бражку, только стоил невмоготу.

В огородах одни бабы остались — и то больше по привычке да от нечего делать. Жизнь, однако, утратила былой смысл. Вроде и работа есть, а только деньги нынче прежнюю цену потеряли. Стало их больше, да выше головы не прыгнешь. Сколь ни мечись с бензопилой по лесу, как был рабочей скотиной, так ей и останешься. Пока здоровье есть — нужен работодателю, а чуть что — или пить беспробудно, или в петлю лезть. Прежнюю жизнь, кроме стариков, никто особо не жалел, только и нынче всё не то. Вопреки ожиданиям начало двадцать первого века не ознаменовалось никаким чудом, способным качественно изменить человеческое существование, — ни техническим, ни духовным. Мечтали, что должна вот-вот снизойти благодать, несуетность, отдохновение. Человек — он же для счастья. Самонаплевательский принцип: «Хоть детям нашим...» — быстро сменился самоуничтожительным лозунгом: «Живём только сегодня...»

Наступившая суета и деловитость обманывали. По закону естественного отбора все разделились на счастливых и тех, кто призван ежедневно

обеспечивать их счастье. Да это Бог с ним — ко всему привыкаешь, всё можно понять и оправдать, любое существование. Но внутри покоя нет. «Ну хоть бы одно лицо счастливым увидеть», — думал Андрей. — Тогда бы и жилось легче. Когда знаешь, что в чём-то есть оно — счастье. Кто-то поймал его за хвост. Значит, и у тебя надежда есть».

Поначалу Андрей всё на хозяина нового косился: вот же хозяин жизни, такими делами ворочает! Да что там, сам себе хозяин — вот что! Хочешь то, а хочешь это...

И чего только не отражалось в глазах директора-лесозаготовителя, уж каких только чувств и мыслей разных, а только благолепием они не светились никогда. Лицо лоснится, смуглое от нездешнего загара, а вот глаза...

С тех пор Андрей чудной стал. Вроде заболел. С виду дюжий, работает — норму выдаёт, дров поколоть, воды принести. Сделает что положено, сядет к телевизору и сидит, словно помер. Жена Людмила сперва думала, что он внимательно все передачи без разборки смотрит, — так этим теперь кто не страдает? А потом заметила, что Андрей на телевизор и не реагирует. Каналы не переключает, как обычно. Пару раз она взялась обсуждать с ним только что показанный сюжет, но он до того не попадал ей ответил, что смекнула она: не в телевизоре дело. В себе он что-то созерцает, а это первое средство мозга вывихнуть.

Дальше — больше. Андрей уже всю округу исходил, как Иеремия, разве что без свечи. На выходных в посёлок мотался или в город. В отпуск всё время уезжал один, куда и как — жене не сказывал, и где он там бродил и что делал — неведомо, только возвращался не отдохнувший и весёлый — ещё угрюмее и мрачнее. «Да хоть горькую не пьёт», — думала Людмила. А и Бог его знает, что лучше?

О том, что где-то в лесу есть скит, слухи ходили давно, лет десять уже. Говорили, километров двадцать до него, да кто мерил? Основал его монах пришлый, нездешний. Понемногу из местных, со всей округи в шестьсот вёрст, создалось небольшое поселение. Для смутного времени — примета верная, потому никто не удивлялся и не задумывался, не до того всем.

Идея в большую голову пришла неожиданно сама собой. Ни после тягостных раздумий, ни с чьей-то подсказки. В одно прекрасное утро Андрей побежал в контору и отпросился за свой счёт на недельку в тайгу. Работник он толковый, дисциплину знает — такие в цене. Да и не отпустить нельзя: мало ли что на уме у человека, а неделя — не год.

Андрей прибежал домой, собрался, взял продуктов на неделю, ружьё, сказал жене, что идёт на охоту. Время было не охотничье, да Людмила ко всему уже привыкла, к тому же в тайге кроме этого — другого закона нет. А что муж даже патроны не взял, она и не заметила — не женского ума дело...

Окрестные места Андрей знал хорошо, сам не раз всё облазил с ружьём. Только в этот раз понесло его туда, где и вовсе, поди, никто не бывал. Шёл по компасу осторожно, на всякий случай метки оставлял. Да как пошёл лес нехоженный, стало от неизвестности казаться всякое. Зверьё здесь непуганое, всё вверх смотрел на ветки — не дай Бог, рысь. Свалится на загривок и шею прокусит. Знал же, что редко такое бывает, так нет. В итоге забрёл, чёрт те куда. Проблукал по лесу недели полторы. Еда давно кончилась,

благо воды в лесных ручьях можно набрать. В двенадцатый день голодный, уставший, ошалевший брёл до самой темноты, пытаюсь различить малейшие признаки человеческого пребывания, да легче иголку отыскать... Свалился под сосной на мху, укрылся ватником и отключился до утра.

Все дни поисков уже слились в один, и утро на утро было похоже. Только в этот раз что-то необычное привиделось путнику. Солнце по-особенному ласково осветило деревья. Лес тут реже, солнце и пробилось сквозь ветви. Птицы расщебетались — радуются жизни, как последний день живут.

Андрей открыл глаза, потянул носом воздух — супом пахнет, дымком. «Не — это с голодухи. Когда не ешь долго, нюх такой — чувствует чего и нет». Всё же поднялся. Пошёл вперед. Лес поредел, впереди вроде поляна. Вышел из чащи и упёрся носом в частокол.

Деревья лиственничные в один обхват, топором рубленные и тёсанные. Подивился такому терпению: лиственница — не сосна, топором, поди, намашешься, пока порубишь. Пошёл вдоль ограды, наткнулся на ворота — тоже из лиственных брёвен, только тонких. Думать не стал и не хотел. Ударил кулаком в ворота. Послышались шаги, загромыхал деревянный засов, со скрипом приоткрылась воротина, пропуская внутрь. Андрей шагнул вперёд. Молодой парень — одет вроде монаха, с красивым лицом, обросшим курчавой бородой, — стоял перед ним. «Недели полторы уж брожу ...», — начал было взволнованно Андрей, но, взглянув в синие глаза открывшего ему, вдруг сбился и замолчал. «Вот и слава Богу», — улыбнулся тот и закрыл ворота.

— Как зовут вас?

— Андрей.

— А меня — Мефодий, Михаил. Пойдём, отдохни с дороги, а после поговорим.

Андрей с трудом передвигался и уже плохо соображал. По дороге успел только заметить нескольких монахов, одетых, как и Мефодий, во всё чёрное. Посреди двора стоял огромный скит — это Андрей сразу догадался, — срубленный из толстых брёвен лиственницы, превышавших по толщине те, из которых сделан частокол, втрое. Опытным глазом Андрей заметил, что и тут всё сработано одним топором, даже торцы венцов подрублены, а не пилены. Такой сруб будет стоять вечно. Мефодий провёл его на задний двор, где стояла баня из кедровой сосны, известной по всему миру как «сибирский кедр». У кедрача — древесина мелкослойная, не смолистая, при нагревании с брёвен смола не течёт. Мефодий помог растопить печь, выдал можжевельный веник.

— Одежонку простирнуть — вот тут щёлок едкий, — давал наставления Мефодий. — Моемся мы без мыла, попарился — и веничком. А голову мыть — вот, — он открыл крышку большой деревянной бадьи.

— Что это? — спросил из любопытства Андрей.

Монах улыбнулся:

— Шампунь. Если есть потребность, можешь с устатку принять ковшик внутрь. А так у нас это не принято. — Заметив удивление на лице пришельца, пояснил: — Закваска на хмелю, что-то вроде пива, тоже варится. Ну, приобщайся, через час приду. Хватит?

— За глаза.

То ли действительно измотался, по лесу шатаючись, то ли дух тут какой-то особенный, только показалось Андрею, что лучше бани он не видал. Вроде и своя неплохая, сам рубил из сосны, осинового вагонкой обшивал по-новому, по-модному, с термопароизоляцией, а со здешней парилкой не сравнить, есть секрет какой-то — мастер строил. Напоследок не выдержал — дёрнул ковшик из бадейки и поплыл, как свеча, вспомнил только однажды опробованный «Гиннес», очень здешнее варево с ним схоже по вкусу и цвету. В полузабытье добрёл с Мефодием до скита и повалялся замертво на приготовленную лежанку.

Спал до утра в бесчувствии, но привычка просыпаться рано своё взяла. Услышал негромкое многоголосое пение, открыл глаза, приподнялся. Братия молилась коленопреклоненно, спиной ко входу, возле которого спал Андрей. На противоположной стене висела писанная по дереву «Святая Троица». Икона не старая, свежая. Андрей в этом не очень разбирался, хоть у самого бабкина икона висела в углу. Но очень ему стало хорошо от освещённого пробивающимися сквозь маленькие оконца лучиками солнца образа: утончённые неземные лики, краски светлые — добротой сияют.

— Благодать, — прошептал Андрей, с удивлением прислушиваясь к сорвавшемуся с губ непривычному слову.

Молитва продолжалась примерно час. Всё это время Андрей сидел не шелохнувшись, только осторожно рассматривал внутреннее устройство огромного скита. Впрочем, внутри строение мало чем отличалось от своей наружности: те же брёвна, вот только пол из деревянных брусьев, ряд массивных деревянных столбов, тянущийся вдоль помещения, и система стропил. Меж стропил, образуя сплошной потолок, висели связки сушёных грибов. Вдоль стен стояли мешки, наполненные теми же грибами, уже высушенными. Здесь же у входа стояли деревянные кадки с залитыми водой ягодами. По стенам висели пучки высохших трав, лесных и выращенных на грядке. От всего этого в помещении стоял такой густой аромат, что, казалось, его можно пить как кисель. Даже человеку неискущённому становилось ясно, что представляет из себя основной рацион здешних обитателей.

Только задняя, дальняя от входа стена была свободна от снеди. Помимо вышеупомянутой Троицы, писанной на доске метровых размеров, там располагался целый иконостас из иконок поменьше, образков на шнурках, предназначенных, видимо, для нательного ношения. Что там было изображено, Андрей разглядеть не мог. У главной иконы приложено некое подобие лампадки. Залитое в неё масло (может, и не масло, а хвойная смола) горело, потрескивая и изрядно чадя. Впрочем, стены и потолок были и без того весьма прокопчённые. Посреди скита стояла печь без трубы, сложенная из дикого камня. Она топилась по-чёрному. Для выхода дыма в кровле имелось специальное отверстие.

Окончив молиться, монахи стали расходиться на работы: кто взял корзинки и отправился в лес, кто огородный инвентарь, кто поздоровее — взяли за топоры и пилы. К Андрею подошёл Мефодий.

— Как отдышал?

— Замечательно, словно неделю в санатории отлёживался.

— Вот и слава Богу. Тогда так: у нас тут свой порядок, мы гостям всегда рады, но кто приходит, должен придерживаться наших правил. Это я к тому, что если ты к нам не на день, то обслуживать себя придётся самому.

— Ну, это мы привычные, — сказал Андрей, поднимаясь на ноги.

— Замечательно, — одобрил Мефодий. — Тогда берём пилу и два топора и пошли дрова заготавливать.

Они прошли на задний двор к баньке. Здесь лежали штабеля приготовленных брёвен. Их надо было распилить на чурбаки и затем расколоть. Мефодий с виду вроде шустрый, в движениях изящен, но с пилой обращался умело, и когда он тянул полотно двуручки на себя, чувствовалось, что силёнка у него есть. Первое бревно они распилили молча, разогреваясь, приноравливаясь друг к другу, к работе. Но когда взялись за второе, Андрей не выдержал — не затем сюда дорогу искал, чтобы молча дрова пилить.

— Давно вы тут?

— Кто как. А вообще лет уже пять тому, как брат Капитон основался тут. Вон в том шалашике он жил.

Андрей посмотрел в направлении, куда показывал монах, и увидел небольшую избёнку, сработанную наскоро и грубо, что действительно придавало ей сходство с шалашом.

— Там теперь у нас иконописная мастерская. Монах иконы пишет и там же живёт.

Андрею любопытно было узнать всё с самого начала, а Мефодий молод и чрезвычайно словоохотлив. К тому же он, судя по всему, уже не раз выступал в роли местного гида.

— Лет пять назад, — рассказывал монах, не переставая работать, — Капитон был послушником в Валаамском монастыре. Он тогда уже с внешним миром почти не общался. Ни его друзья, ни его родственники вроде даже и не знали, где он находится. И то удивительно, что дошла до него тогда эта весть: чудо — не чудо, а с Божией помощью. Узнал монах Капитон, что бывший его одноклассник Виталий осуждён на большой срок: лет десять ему дали или что-то около того. Да, осуждён и отбывает наказание в лагере в Забайкалье. То есть вот тут. Капитон тогда испросил святое благословение и приехал к другу. Здесь в лесу поставил вот этот скит и стал молиться за товарища. Да ещё как! Жил в лесу, а каждый день за десять километров пешком в лагерь ходил. Добился у начальства, что его свободно стали пропускать. Понятно, что вскоре он там уже для них для всех свой стал. Друга, конечно, чем мог, поддерживал, беседовал с ним, не давал в себя уйти. Виталик ведь вначале на зоне совсем последним человеком был. Он и с виду ущербный. С малолетства калека, одним глазом совсем не видит, лик перекошен. Вот и гнобили его зеки. А как появился Капитон, так он вроде святого стал — не то что слово плохое, а не дай Бог, покосится кто, — хуже суки станет, прости меня, Господи. Капитон никому не отказывал. Беседовал с каждым, а вечером к себе уходил, ещё десять километров. А бывало, соберутся вместе и заключённые, и охрана — и слушают его все.

Мефодий на минуту остановился, перевёл дух.

— Это мы теперь жируем.

— Жируете? — удивился Андрей, — У вас, поди, и скотины никакой нет и птицы, одни грибы да травы.

Мефодий загадочно улыбнулся:

— Есть у нас куры, только яйца все на краску идут, на темперу для икон. А в ту пору Капитон, почитай, раз в неделю питался. Духом святым жил. Раз товарищу его претерпеть довелось, то и он от всего отказался. Уж сколько раз его и накормить пытались и с собой харчей взять уговаривали, а он только возьмёт пару луковок и хлеба немного. «А водички, — говорит, — в ручейке найду».

Ну, пока лето было, ещё куда ни шло. А зимой за него все беспокоиться стали, боялись: замёрзнет по дороге, да и зверья тут полно. Уговаривали остаться, даже угол ему выделили у охраны. Ан нет. Смастерил лыжи — и опять десять километров туда, десять обратно. Так и это не всё. Мы уже потом узнали, когда к нему другие приходили стали. Оказывается, он все три года стоя спал! Да! Подвесит себя за одежку на крюк стальной и всю ночь до утра спит — не спит. «Святую Троицу» видел в скиту? На том самом крюке висит. Вот как. Всё молил Бога за товарища своего. И что ты думаешь? Свершилось. Через три года выпустили Виталия по амнистии. С тех пор народ сюда пошёл. А многие после отсидки приходят вначале к нам, а потом уж только домой. Так порой и живут тут годами — трудятся. А Капитон и теперь раз в неделю по воскресеньям в лагерь ходит, и всё так же пёхом. Там уже без него и жизни не представляют. Говорят, самая дисциплинированная зона. Те, кто оттуда выходит, реже, чем другие, обратно ворочаются.

— А куда Виталий девался? — полюбопытствовал Андрей, потрясённый рассказом монаха.

— Да куда же ему? Тут он. В этой самой келье капитоновской и живёт, Кириллом зовут.

Теперь остановился Андрей:

— Постой, так это он иконы пишет?

— А то кто же. Он с тех пор молчит. Обет молчания, что ли? У нас это обсуждать не принято. Только голоса его никто не слышал с тех пор, как он освободился и со слезами на глазах пришёл сюда, обнял Капитона. Они тогда всю ночь о чём-то тихо беседовали. А на следующий день Виталий, Кирилл по-нашему, в скиту поселился и стал писать молча. «Святая Троица» — это его первая. Почти полтора года писал. Он этому делу нигде не учился. У Капитона книжка была по иконописи, с иллюстрациями цветными. Когда один жил, он книжку ту расшил и иконы по стенам повесил, а потом опять в книжку собрал. А образ сей, Кириллом писанный, возили аж на Валаам в Спасо-Преображенский монастырь для освящения.

Андрей ещё раз внимательно посмотрел на кособокую избёнку.

— А что, он и теперь там?

— Кто? — не понял Мефодий.

— Виталий.

— Там, всё время там. Только на молитву выходит утром и вечером, а днём у себя в скиту молится. У него два занятия: или пишет, или молится. Ест раз в день, совсем немного.

У Андрея загорелись глаза:

— А нельзя взглянуть, хоть глазком одним?

— Да чего же нельзя, — Мефодий оживился; видимо, и сам не прочь составить компанию. — У нас это просто. Запретов никому нет. Ему, ты знаешь, самому приятно, когда кто заходит. Он виду не показывает, но по лицу видно. Главное — не спрашивать ни о чём, и вообще лучше не разговаривать и суету не разводить. Однако пойдём поглядим, а после перекусим чем Бог послал. Уже и время.

По посыпанной песком дорожке они добрались до скита. Дверь была распахнута настезь для освещения — окон это строение не имело, но дверной проём был расположен на солнечной стороне, так что в ясную погоду света весьма хватало. Они по одному ступили за порог. Первым вошёл Мефодий и поклонился, Андрей последовал его примеру. Сидящий спиной к двери старик — так вначале показалось Андрею — неторопливо поднялся и также неторопливо им поклонился. Вид его неожиданно произвёл на Андрея потрясение. Один глаз монаха был полуприкрыт, лицо заметно перекошено и всё изборождено морщинами.

«Сколько же ему лет? — пронеслось у Андрея в голове. — Вроде не видел я среди них стариков...»

Но потом по лёгким движениям, по тому, как без напряжения иконописец снова уселся на подстилку из еловых веток, Андрей догадался, что перед ним человек ещё не старый: ему, может быть, нет и сорока пяти. И осознав это, он сильно взволновался. Монах словно почувствовал его состояние и внимательно взглянул на гостя. Андрею вдруг сделалось хорошо, и он даже улыбнулся в ответ. Лицо Кирилла просияло, и чтобы не смущать вошедших, он принялся созерцать свою работу. На деревянном дощатом столе среди баночек с суслом, чесночным соком и пигментами лежала недописанная икона. Андрей слабо разбирался в этих изображениях, к тому же незаконченность тоже играла роль, но в проступающих чертах будущего лика было что-то — так пришло ему на ум — неземное, потом ещё вспомнилось: божественное. Он украдкой осмотрел помещение. Кругом расставлены были заготовленные ольховые доски, некоторые уже оклеенные поволокой и загрунтованные. Доски были сработаны на старый манер — топором, с вытесанным ковчегом и лузгой по краю, и с торцевыми шпонками.

Минуты две постояв, они вышли.

— А ты как здесь очутился? — спросил Андрей Мефодия, когда они шли назад.

— Так... устал от... жизни. Вот меня жена и спровадила, чтоб не спился. У нас тут других средств нет. И я вот уже почти полтора года живу здесь трудником. А одежду такую — брат Капитон благословил: чего, говорит, нам разделяться на своих и пришлых. Мы, говорит, все братья...

— И долго ещё тут будешь?

— Пока уверенность не обрету, что опять там не сломаюсь. А сподобит Господь — так и почию здесь.

Андрей прожил в скиту две недели. С утра до вечера трудился вместе со всеми. Подъём в пять, молитва два часа, потом работа до десяти и завтрак, опять работа до шести — и три часа молиться, потом ужин и устройство на ночлег. Андрей так же спал на лежанке, а монахи и трудники — кто как,

некоторые и сидя. И всё тихо, всё спокойно, всё в радости. И этой царящей вокруг благодатью так пропиталась его беспокойная душа, что на исходе двух недель он тоже попытался спать сидя, но пока не получилось: полночи промучился и, засыпая, растянулся во весь рост на своём ложе.

Всё это время Капитона он видел только издали, тот всегда был занят весьма важными делами, и беспокоить его серьёзного повода не было. Так что общался Андрей в основном с Мефодием.

Русский человек в силу своего природного простодушия азартен, а по части свершения духовных подвигов азартен до крайности; другое дело — как его на это подвигнуть?

Как-то в полдень, проходя по двору, Андрей увидел Капитона. Монах стоял один, о чём-то задумавшись. Лик его был светел, и весь он словно открыт был для остального мира. А потому Андрей подошёл к нему просто и для самого себя неожиданно.

— Христос посреди нас!

— Есть и будет, — с неподдельной радостью откликнулся Капитон.

— Благословение хочу получить, — без предисловий начал Андрей.

Капитон с неподдельным интересом взглянул на Андрея: тот меж тем продолжал:

— Хочу построить часовню, небольшую, но высокую, чтоб со звонницей, а там, Бог даст, и колокол появится. За подвиги ваши, за терпение, в знак благодарности.

Капитон улыбнулся:

— Вижу, намерения твои благие и сердцем ты чист, а вот мысли в разброде, — он ещё раз улыбнулся; теперь улыбнулся и Андрей. — Подвиги мы тут никакие не свершаем. Вот ты пришёл к нам, пожил, душой отмяк. Теперь всё у тебя пойдёт, слава Богу. И другие так же. Поживут здесь, сил наберутся и пойдут по домам, вернуться к людям, жить там станут, а через них и на окружающих Божья благодать снизойдёт. Вот там и свершится наш, как ты выразился, подвиг. Кому сил не сыскать, что ж, милости просим, мы рады всем. А кому ни там ни здесь покоя нет, за тех мы и дённо, и ночью молимся. Но за слова добрые спаси тебя Господь.

На следующий день Андрей собрался в дорогу: простился с Капитоном, зашёл к Кириллу. Тот смотрел на него пристально с минуту, глядя внимательно в глаза, затем снял со стены образок на шнурке и надел его на шею путнику. Когда прощался с Мефодием, тот всплеснул руками:

— Господи Боже, так ведь он тебе образ Святого Андрея Первозванного надел!

Скрипнула воротина, загремел деревянный засов. Андрей пошёл по тропинке. И словно наваждение с него спало, как будто от сна отошёл. Он весело улыбнулся, но уже другой улыбкой, какой он прежде не улыбался. И птицы пели вокруг, и тоже по-особенному, и небо над головой синее. А каким оно раньше было?..